

В. ГЕНШЕЛЬ

**ДОЛГИЙ ПУТЬ
К УСТАНОВЛЕНИЮ
СПРАВЕДЛИВОСТИ**

*Пусть мирным и прозрачным небо будет,
и мир пускай на всей земле царит.
Мы жертв политрепрессий не забудем,
их подвиг в сердце пламенем горит.*

ement

ement

ement

ement

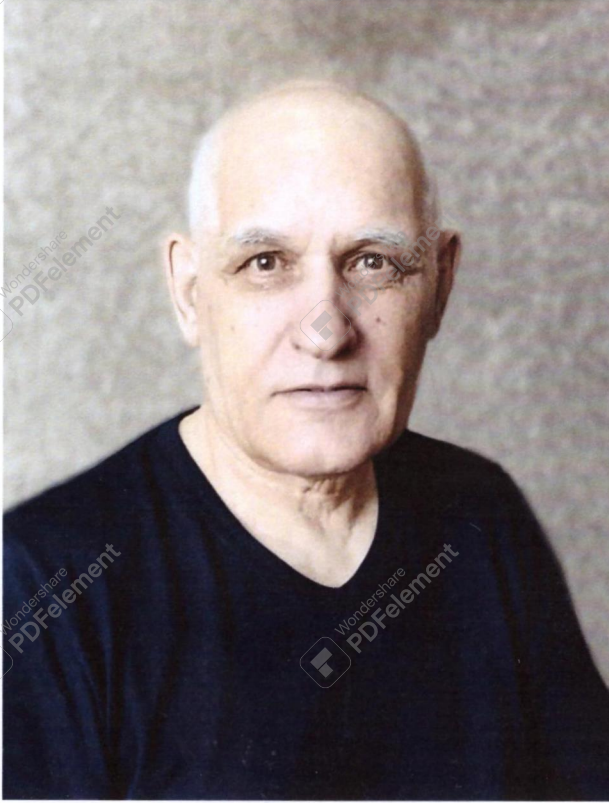
ement

here ment

here ment

here ment

Издательство
«Северный Казахстан»

ГЕНШЕЛЬ
Владимир Гербертович

ДОЛГИЙ ПУТЬ
К УСТАНОВЛЕНИЮ
СПРАВЕДЛИВОСТИ

Петропавловск, 2023

УДК 821.161.1 (574)
ББК 84 Рус-44
Г 31

Г 31 Геншель В.Г. Долгий путь к установлению справедливости. -
Петропавловск: Издательство «Северный Казахстан»,
2023 - 48 с.

ISBN 978-601-7247-49-7

УДК 821.161.1 (574)
ББК 84 Рус-44

ISBN 978-601-7247-49-7

© Издательство «Северный Казахстан», 2023

Долгий путь к установлению справедливости

Жернова политических репрессий в первой половине прошлого столетия переломали судьбы многих тысяч людей. Прошло более 80-ти лет, но до сих пор еще не во всех репрессивных делах поставлены точки, не всеми получены исчерпывающие сведения об арестах и наказаниях невинных граждан нашей бывшей страны. И самое главное, не все «якобы» осужденные оправданы и реабилитированы в официальном и в персональном порядке. И всему виной послужила, так называемая, «засекреченность» практически всех дел репрессированных лиц, когда уже казалось – бы, с них сняты все эти ограничения, проведены в официальном порядке мероприятия по реабилитации на общих основаниях невинно осужденных, расстрелянных и депортированных советских граждан. Но для того, чтобы получить на руки какие-то документы по репрессивным делам своих предков, это практически не представлялось возможным, буквально до последнего времени. Репрессии, как я уже сказал выше, коснулись и моих предков, о судьбе которых хочу поделиться с читателями, а также о долгом пути получения долгожданного документа о реабилитации.

Мой дедушка, Геншель Юлиус Вильгельмович родился, как и бабушка, в Волынской губернии, ранее входившую в российскую империю, а в 1935 году он вместе со своей семьей был депортирован как спецпереселенец из упраздненного Пулинского немецкого района Киевской области (ранее входил в состав Жи-

томирской области) в с. Граково Харьковской области, где и был репрессирован в 1938 году. Соответственно бабушка Геншель Павлина Карловна (в девичестве Куппе), с четырьмя детьми (одним из которых был мой отец Герберт Юлиусович), после начала ВОВ в сентябре 1941 года, как лицо немецкой национальности, была депортирована в Северо - Казахстанскую область, Пресновский район, совхоз «Приишимский», ферма № 3 (с. Астаган). Основанием для депортации послужил приказ Военного Совета Юго-Западного фронта о выселении немцев Харьковской области, принятый в конце августа 1941 года, во исполнение указа Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 года. Казалось бы, каким образом указ Верховного совета о немцах, проживающих в Поволжье, согласуется с приказом Военного Совета фронта на Харьковском направлении, остается непонятным. Отчасти этот неологизм раскрывают многие историки и исследователи, которые утверждают, что политика репрессий и депортаций со стороны советской власти в отношении немецкого населения Украины, начиная с тридцатых годов, в современной историографии по-прежнему практически не исследована и сводится лишь к общеизвестным постулатам и цифрам. А политика сталинского руководства в отношении представителей различных этносов страны зависела только от степени их лояльности.

Вместе с тем, исходя из тех знаний, которые я получил в школе, изучая историю СССР, мои предки по отцовской линии, как бы дважды подпадали под каток репрессий, которые официально озвучивались в сфере образования – первое, это в период «большого террора» 1937-38 годов, проводимого органами НКВД в рамках постановления политбюро ЦК ВКП(б) «Об анти-

советских элементах», и второе, после начала войны, в рамках массовой депортации немецкого населения из мест постоянного проживания, после объявления их пособниками фашистов. И только буквально в последние 2-3 года в СМИ, в том числе и в Интернете, появилось много информации о том, что в действительности происходило с советскими немцами в 30-40-ые годы, в частности на Украине. Так уж случилось, но в декабре 2021 года, я получил через Харьковский фонд реабилитации подлинные документы репрессивного дела на своего дедушку – **постановления районного и областного управлений НКВД об его аресте от 16 декабря 1937 года, постановление об обыске по адресу его проживания, постановление о его помещении во внутреннюю тюрьму УНКВД г. Харькова, и самое главное - протокол допроса (без изъятий) «якобы» подозреваемого от 28 декабря 1937 года, а также протокол приговора Харьковской тройки НКВД о расстреле «осужденного», подтвержденного выпиской из протокола № 182 решения Наркома Внутренних Дел СССР тов. Ежова и Прокурора СССР тов. Вышинского от 19 01 1938 года. В деле также есть и акт о приведении приговора об исполнении от 31 01 1938 года.** Все эти документы имеют соответствующие печати, фамилии и подписи исполнителей.

И только, ознакомившись с протоколом допроса дедушки, (что само собой ввело меня в шок от прочитанного) и сопоставив их с материалами историков и исследователей, я по сути узнал, что очень многое в вопросе репрессий советских немцев скрывалось. Так уже, начиная с 1931-32 годов ОГПУ (предшественница НКВД) неоднократно усиливало репрессивные меры против немцев Украины. Дошло до того, что в июле 1932 года было разослано особое распоряжение мест-

ным чекистам - «О борьбе с разведывательной и вредительско-диверсионной работой немецких фашистов против СССР». И тезисы этого распоряжения буквально дословно были внесены в протокол допроса бабушки (орфография и пунктуация сохранена), а именно это отображено так: – «Вопрос: следствие располагает данными о том, что Вы являетесь участником контрреволюционной националистической фашистской организации. Признаете ли Вы себя в этом виновным? Ответ: Да я являюсь участником контрреволюционной националистической фашистской организации». И далее на поставленный вопрос, о том, кем и когда бабушка был привлечен в эту деятельность, он отвечает: «В контрреволюционную националистическую фашистскую организацию я был вовлечен пресвитером секты баптистов, иноподданным Германии Веселем Ганесом в 1928 году». Кстати, пресвитер Весель Ганес, как это было далее указано в протоколе, приехал из г. Петропавловска, Казахской ССР, и работал в Евгеновском (с. Старая Буда) лютеранском приходе Житомирского уезда. Удивительно, но факт, что именно, и, конечно же по воле судьбы, бабушка вместе со своей семьей, в 1941 году была депортирована в этот регион Казахстана. Кстати, и это отмечено в протоколе, пресвитер Весель выехал в Германию в 1930 году.

По репрессивному архивному делу № 432, заведенному в Двуречанском райотделе НКВД Харьковской области по статьям 54-6, 54-10 ч 1, 54-11 УК УССР, проходили еще два односельчанина бабушки (также этнические немцы) – это Шульц Альберт Иванович и Шидман Роберт Вильгельмович. Они также в 1935 году были переселены, вместе с семьями, из приграничного (до 1939 года) района с Польшей в с. Граково (совхоз имени Сталина). Все они, как и семья бабушки

ки, были уроженцами тогдашней Волынской губернии, Житомирского уезда, Барашевской волости, куда территориально входил немецкий кантон Геймталь (села Старая Буда, Евгеньевка, Солодыри, Сорочень, Кремьянка), и где в 1929 году был образован Пулинский национальный немецкий район. И что характерно, в протоколах допросов всех указанных лиц, фразеология обвинения подана слово в слово, только меняются фамилии допрашиваемых. Кстати, в протоколах обыска у всех троих арестантов, не было найдено ни одного подтверждения, что данные граждане занимались диверсионной или шпионской деятельностью, кроме того, что у них были найдены религиозные книги (это были библии). В протоколах это было подано как наличие подрывной шпионской литературы на иностранном языке. Еще одна особенность наблюдается при ведении дела за № 126982 на арестованных лиц, это то, что документы оформлялись и визировались сотрудниками Двуречанского НКВД, а само дело хранилось в Купянском районном отделе, то есть в соседнем районе. А это еще раз говорит о том, что все дела при проведении следственных мероприятий осуществлялись по так называемой «альбомной» системе (и это было уже отмечено в 1939-1940 годах «бериевскими» чекистами в период борьбы с «ежовскими» кадрами), когда создавался единый протокольный трафарет с одинаковыми вопросами и одинаковыми выводами, независимо от степени причастности и виновности арестованных лиц. Поэтому, практически все спецпереселенцы, из числа немцев, проживавших до 1936 года в немецких колониях и национальных районах, по логике НКВД являлись «подозрительными по шпионажу», тем более, если они имели контакты с гражданами Германии. И не важно, по какой причине; - по родственному признаку

или религиозному статусу, как это случилось с семьями дедушки и его односельчан. А приказ № 00439, который и открыл эпоху массовых репрессий против советских немцев, имел в своей основе именно ту особенность, это то, что причиной репрессий были не какие-то деяния (подлинные или вымышленные), и не наличие «компрометирующих материалов», а в первую очередь принадлежность к определенной категории населения.

Следующим важным этапом преследования украинских немцев, как уже было сказано, стало решение Политбюро ЦК ВКП(б), принятое в июле 1937 года, озаглавленное как «Об антисоветских элементах». Этот документ в частности описывал внесудебные области применения, и в том числе в отношении якобы нелояльных к советской власти граждан. Это распространялось в частности на бывших кулаков, а также на вернувшихся из ссылки на прежнее место проживания лиц из числа немцев, выселенных в Сибирь в 20-ые годы в период гражданской войны. Важно, что одним из пунктов описания потенциально опасных элементов общества были «кулаки – члены различных религиозных сект и получатели «гитлеровской» помощи». В ходе исполнения этого приказа в поле зрения НКВД оказались тысячи немцев Украины, в основном проживающих на селе, которым предъявили обвинения по этим категориям учета. Кроме того, санкции на арест прокуроры давали буквально по анонимному доносу, без проверки обвинений, а исполнение приговоров «тройками» обжаловать было невозможно, потому что они были внесудебными. И эти постулаты полностью подтверждаются в документах репрессивного дела дедушки и его односельчан. Они, якобы, еще проживая в национальном районе, всячески препятствовали созданию колхозов, потому что, вплоть до 1935 года, вели единоличные хозяйства и числи-

лись середняками и призывали других односельчан не вступать в коллективные хозяйства. Кроме того, как дедушка, так и его односельчане состояли в религиозной протестантской лютеранской секте, которая якобы была враждебно настроена против советской власти. А, самое главное, они получали материальную помощь от пресвитера Веселя (в протоколах это отображено как «гитлеровская» помощь). В частности мой дедушка признался в получении 10 (десяти) германских марок, Щульц А.И. якобы получил 35 (тридцать пять) марок, а Шидман Р.В. - 8 (восемь) марок. И, как протоколно отмечено, эту помощь они получили за якобы предоставленные германскому посольству в Киеве (естественно через пресвитера), сведения о расположении частей Красной Армии на границе с Польшей. Эти сведения должны были помочь иностранной разведке наметить конкретные планы по диверсионной работе в тылу советских войск. Кроме того, ими якобы предоставлялся большой объем ложной информации об очень плохом и бедственном положении немецкого населения в Украине.

А затем наступил третий решающий этап репрессий против советских немцев – так называемая депортация немцев из мест постоянного проживания в восточные области СССР и союзные республики – Казахстан, Киргизию, на Дальний Восток, в Сибирь и другие регионы восточнее Урала. Все началось с известного постановления Центрального Комитета партии в августе 1941 года по этому вопросу, в том числе и о немцах, проживающих на территории Украинской ССР, в соответствии с которым из ряда областей Украины предполагалось: «1. Немцев, состоящих на учете как антисоветский элемент, арестовать; 2. Остальную часть трудоспособного мужского населения от 16 до 60 лет

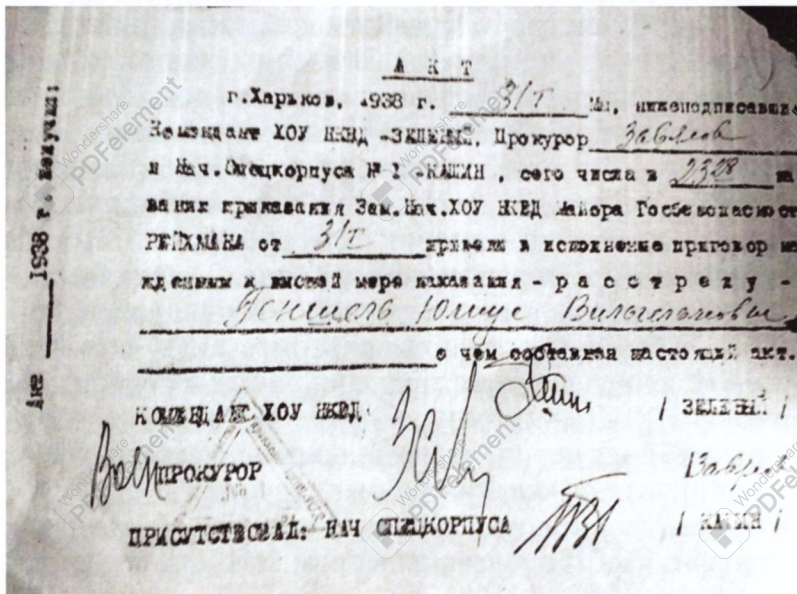
мобилизовать в строительные батальоны и передать НКВД для использования в восточных областях СССР». Как решался вопрос с членами семей этих «антисоветских элементов», тоже было понятно – их просто депортировали всех вместе с ними в эти же регионы. Об этом подробно описал в своей книге «Зона полного покоя» Герхард Вольтер, уроженец Житомирской области и 18-летний очевидец этих событий, который также был сослан в 1941 году в Акмолинскую область Казахстана. Вот, что он в частности отметил в своей книге – «Первые массовые принудительные выселения немцев по этническому признаку начались на территории Крыма. Начатый с российских немцев, ужасающий эксперимент по наказанию целого народа за несуществующую «коллективную вину» была в последствии перенесена и на 14 других народов и 40 национальных групп СССР общей численностью 3,6 млн человек. Все это мы осознали многие годы спустя. А в 1941 году и позднее происходящие большие и малые события были для нас всего лишь зловещим фоном, в соответствии с которым менялась жизнь, а вместе с ней и личная судьба многих миллионов людей. События, о которых заходила речь, (начиная с притеснения нелояльных народов), стали делиться на прошлое, казавшееся светлым и безмятежным, и полное тревожных неожиданностей «теперь». Как и всей практике огульного обвинения и «наказания» целых народов, этому преступлению нет, и не может быть оправдания». Поэтому семью моей бабушки, как и семьи Шульца и Шидмана, депортировали со статусом родственников «антисоветских элементов». Бабушку вывезли, как я уже говорил, в северный Казахстан, семью Шульца Альберта в Киргизию. Жену и детей Шидмана Роберта, судя по документам, отправили в

Сочи еще до начала ВОВ. Кстати, все семьи названных репрессированных сельчан были многодетными.

В последние несколько десятков лет, в том числе после развала СССР, как я уже говорил выше, многие граждане бывшего СССР из числа потомков репрессированных родственников, по сути, до сих пор в большинстве своем не получили каких либо персональных разъяснений по бесконечной, как оказывается теме – теме преступлений сталинских чекистов. И задают себе вопрос: почему они не могут до сих пор, получить объективную, а также визуальную, без изъятий информацию о своих репрессированных предках.

В отечественных архивах эти сведения, как известно были засекречены, и в том числе из гуманистических соображений: вряд ли кому-то из потомков работников силовых структур того времени приятно было узнать, чем занимались их отцы и деды в период проведения массовых репрессий 1937-38 годов. И все потому, что уже в послевоенные годы, вскрылись негативные факты проявления огульного обвинения, жестокости и необъективности в профессиональной деятельности отдельных работников, а иногда и в целом некоторых коллективов органов прокуратуры и НКВД. Лично я разделяю этот посыл, потому что дети не должны отвечать за преступные деяния своих родителей. Но это не должно быть оправданием для отдельных работников, которые, по сути, превратились в живодеров. Это же касается и для ряда правоохранительных структур того времени, в лице местных (районных и областных) органов НКВД, которые якобы, не щадя себя, выполнили свой долг перед Родиной, но при этом сами стали ассоциироваться как преступные структуры. К сожалению, все закончилось банальной чисткой «ежовских» кадров, из якобы пролезших в органы НКВД шпионов,

работающих на иностранные правительства, а также предателей и карьеристов местечкового пошиба. Таким персонажем чистки чекистских рядов оказался и главный исполнитель «расстрельной» тройки, комендант ХОЗУ УНКВД по Харьковской области, лейтенант госбезопасности Артем Зеленый (в акте об исполнении приговора имеется его фамилия), который лично расстрелял моего деда. Когда я прочитал этот акт, то с неподдельным удивлением узнал, что в нем указано точное время, вплоть, чуть ли не до секунды. Как было отмечено в акте об исполнении приговора, Геншеля Юлиуса Вильгельмовича расстреляли 31 января в 23 часа 28 минут. Затем был расстрелян Шидман Р.В., уже 01 февраля в 0 часов 40 минут, а Щульц А.И. также 01 февраля в 1 час 52 минуты. То есть, всех расстреливали по сути ночью, и на каждого расстрелянного «врага» приходилось примерно по 1-му часу 10-15 минут.

Дедушка и его «подельники» были одними из почти шести тысяч расстрелянных этим палачом. В 15 томах, хранящихся в СБУ Украины, как раз и содержатся около шести тысяч архивных актов о приведении приговоров в исполнение с его личной подписью. Но это, как говорится, была его работа, и откажись он от нее, то был бы вероятно уничтожен, как потворщик «врагов» народа. Но буквально во второй половине 1938 года его арестовали по делу о мародерстве заключенных, а также по причине издевательств над приговоренными к расстрелу лиц. Наказания он избежал, свалив всю вину на работников тюрьмы, которыми он собственно и руководил, как комендант управления Харьковского НКВД и был переведен в Архангельскую область, где возглавил охрану одного из лагерей. Заменивший его на этом посту бывший начальник спецкорпуса тюрьмы, а также член «расстрельной» тройки, впоследствии был расстрелян за «перегибы в работе и нарушения социалистической законности». За эти же якобы преступления, в конце 1938 года, освободили от должности начальника Харьковского УНКВД Льва Рейхмана, а в последствии расстреляли. Незавидная судьба была и у его предшественника на этом посту, майора госбезопасности НКВД Соломона Мазона (кстати, он характеризовался как работник с непререкаемым авторитетом в органах НКВД Украины), который в июле 1937 года застрелился и оставил записку такого содержания – «товарищи, куда же ведет эта линия на массовые аресты?».

Но вернемся к больной теме получения документов на репрессированных граждан СССР. Как я уже отметил, бабушка после расстрела мужа, еще почти 3,5 года проживала в с. Граково Двуречанского района Харьковской области, практически в бедственном положении. Дело в том, что на руках у нее осталось

четверо детей, последний из которых (мой младший дядя Губерт) родился через полгода после этого скорбного события. А в сентябре 1941 года, по сути дела под бомбежками немецкой авиации, их переселили (депортировали) в Северный Казахстан, во вполне успешный регион, и с большим количеством переселенческого населения. Совхоз «Приишимский», куда сослали семью моего дедушки, изначально был овцеводческим хозяйством (он образовался путем отделения от овцесовхоза «Кзыл-Аскерский» этого же района), с хорошо развитым зерновым производством. На момент образования совхоза, по воспоминаниям директора Донченко А.В., на фермах содержалось почти 20 тысяч поголовья овец. В моей мальчишеской памяти, начиная с конца 50-х годов, хорошо отложились такие события, как помощь родителям и другим работникам фермы № 3 в летние и сезонные времена, как мы их называли «сакманные» дни – это размещение овцематок с ягнятами по клеткам в период окота, стрижка овец и их купание в ямах с лечебной жидкостью в целях профилактики от болезней.

Кстати, совхоз «Приишимский», насколько я помню, да и по официальным данным партийно-хозяйственных органов Октябрьского, а затем Сергеевского районов, начиная с 1945 года и до конца 70-х годов, был в числе самых передовых хозяйств СКО. Вначале, как, я уже отметил, это было многоотраслевое хозяйство, где в послевоенное время главной отраслью изначально было овцеводство, а затем появилось хорошо развитое молочно-товарное производство, после настала очередь мясного свиноводства, и даже, некоторое время разводили птицу. В середине 50-х годов, после освоения целины в Казахстане, совхоз стал мощным хозяйством, производящим продукцию полеводства. Для того, чтобы успешно вести производство, в совхозе очень хорошо разви-

валась производственная инфраструктура. По крайней мере, в селе Астаган, был построен свой зерноток, оборудованный механизированными зерноочистительными установками, с асфальтированными площадками и каменными складами для хранения зерна. При молочно-товарной ферме имелся приемный молочный пункт (мы его называли молоканкой), где молоко охлаждалось и велась его первичная обработка. Также имелась большая площадка (аналог МТМ) для ремонта сельхозтехники и тракторов. Была своя кузница и пилорама, которые полностью обеспечивали сельчан строительным и скобяным материалом. Кроме того, там же была оборудованная дизельная установка с электрогенератором, которая обеспечивала село электричеством до середины 50-х годов. Естественно, все животноводство, было обеспечено всеми видами хозяйственных помещений для содержания скота и приготовления кормов. **И особенно, хочется отметить, это то, что социальная сфера в нашем селе, которое не имело хорошей логистики с центральной усадьбой (Повозочное) и с райцентром (Марьевкой, а позже Сергеевкой), также была на самом высоком уровне. В селе была школа (семи-летка), детские ясли-сад, ФАП с аптекой, 2 сельпо-вских магазина, общественная баня, большой клуб с современной киноустановкой, офисные строения (почта и контора управляющего отделения). Еще одной достопримечательностью нашего села являлся искусственный пруд в центре поселка, площадью более двух гектар, который был расположен внутри естественного березового колка и огороженного по всему периметру фигурным деревянным ограждением. Водой он заполнялся посредством вырытого артика при весеннем половодье из ближайшего к селу березового леса. Пруд изготовили сами сельча-**

не с помощью военнослужащих, которые ежегодно помогали совхозу в уборочной страде в пятидесятых годах.

Возглавлял наш совхоз, как я уже отметил, Герой Социалистического Труда Донченко Андрей Васильевич, которого по официальным данным отозвали, по сути дела, с фронта ВОВ в марте 1943 года, для того чтобы он принял к руководству данное хозяйство в качестве кадрового усиления, дефицит которых сложился в то время после многократной сменяемости директоров. Кроме того в совхозе выросла целая плеяда Героев труда, орденосцев самого высокого уровня. А уж говорить о передовиках производства, награжденных грамотами и ценными подарками, вообще не приходится, потому - что это был, по сути, каждый второй рабочий совхоза. Так, Героем Социалистического Труда стал Брагин Алексей Матвеевич – бригадир тракторно-полеводческой бригады из с. Минеевка. Заслужено получил статус Героя Соц. Труда Сураганов Курмангали из аула Баян, который много лет числился передовым комбайнером хозяйства. Очень многие астаганцы, добрым словом помнят орденосца и знатного бригадира овцевода фермы № 3 Курманбаева Кабжана.

Одним из основных костяков трудового коллектива тех лет составляли немцы, а это более 30 % работников (по крайней мере в селах Астаган и Минеевка). Многие из них работали и на руководящих должностях. Так, управляющим отделения № 3 тогда работал этнический немец – Мерк Андрей Александрович, также дважды орденосец «Трудового красного знамени». У него в свое время, всю семью депортировали из автономной республики немцев Поволжья, и по воспоминаниям сельчан, они по сути дела, пешком пришли от станции Петухово (РСФСР), где их высадили, практически до

райцентра тогдашнего Пресновского района. Тракторно - полеводческую бригаду № 1 в нашем селе тогда возглавлял еще один этнический немец – Вайнбергер дядя Давыд (так, мы мальчишки, его называли). К слову, позднее мы породнились: его сестра Мария вышла замуж за моего младшего дядю Губерта и в настоящее время все они со своими семьями проживают в Германии. Еще одной знаменитостью нашего села, да и пожалуй всего района, был дояр молочно-товарной фермы № 3 Вегель Виктор Филиппович, который по сути добился рекордного в то время, надоя молока на одну корову почти до 3000 литров. Моя родная тетя, Фрида Юлиусовна, как оказалось, много лет работала заведующей зернотоком, о чем я с удивлением узнал из депортационных документов, полученных из архива департамента полиции СКО в 2018 году. Из этих же документов я узнал, что мой папа начал работать в совхозе с мая 1942 года, по существу в 13-ти летнем возрасте. И это подтверждается записью в трудовой книжке, а сам отец писал в автобиографии, которую давал при постановке на спецучет, что работает в совхозе чернорабочим. С 1945 года он прошел обучение на механизаторских курсах и стал работать трактористом. По существу эти две записи в трудовой книжке и остались без изменений до самой его пенсии. В 1965 году, он как передовик производства одним из первых пересел на новый вид техники – трактор К-700. Поэтому в весенний и летний период он работал на «кировце», а осенью на комбайне убирал урожай зерновых. Зимой, как и многие работники хозяйства, работал скотником на животноводческой ферме. Естественно, добросовестный труд рабочих совхоза регулярно поощрялся через премирование, а также путем награждения их почетными грамотами и ценными подарками. В родительском доме, одна стенка

в общей комнате, сплошь была увешана этими раритетами того времени, вставленные в портретные рамки. Кроме этого он был награжден медалью «За трудовую доблесть» и «За освоение целинных земель».

Если исходить из выше изложенного, то говорить о каком - то притеснении переселенных народов в нашу область, естественно нельзя. Хотя, по воспоминаниям того же Донченко А.В., некоторые его коллеги, из числа руководителей других хозяйств, как бы сторонились людей, подвергшихся насильственной депортации (и не только немцев), и неохотно принимали их на работу. Причина, в основном была связана с трудностями, возникающая при их обустройстве по месту проживания. Я хорошо помню, что это действительно была большая проблема. В самом начале семья бабушки проживала в землянке, с крышей, покрытой дерниной, с глиняными полами, спали на сколоченных из досок полатах, мебель (столы, стулья, буфеты) вся была изготовлена из местного материала самими переселенцами. Когда мне уже было 4 года, в моей памяти визуальное отложилось то, как мои родители строили свой первый дом. Тогда больше 30-ти семей начали обустраиваться, по сути создав еще одну улицу в селе, она у нас так и называлась «новой». Строили дома в основном из самана, производство которого было поставлено на поток – вначале замешивали в ямах глину с соломой, а затем фасовали ее в деревянных формах и сушили на солнцепеке. А отец строил дом, используя деревянные столбы, оббитые с двух сторон жердями в погонном измерении, а затем это пространство заполнялось той же саманной массой. После стены вручную обрабатывали штукатуркой, предварительно оббив их обрешеткой из штакетника. Затем, уже с разрешения руководства, в столярке получали изготовленные там оконные рамы, стропила для

крыш, лаги и доски для изготовления полов. Представителями новоселов опять же были люди из разных этносов – немцы, украинцы, русские. На этой же улице построил свой дом казах- Курманбаев Кабжан, бывший бригадир овцеводческой фермы. Поэтому, повторюсь, у нас в селе однозначно не было никакой национальной фобии, никто за это время, начиная с 40-вых годов и до настоящего времени никогда не заострял вопрос об этническом происхождении, и тем более о причинах переселения в этот регион Казахстана. С самого детства, все мои сверстники и старшее поколение, всегда были толерантны друг к другу и не тыкали пальцем, что ты якобы не местный. Кроме того, уже тогда было очень много смешанных браков, в том числе это произошло и в нашей семье – мой папа женился на маме, которая имела украинские и польские корни. Кстати, в семье мамы, также не все было гладко в плане отношений с государством. Так, я уже в конце девяностых узнал, что у бабушки, по маминой линии, родственник, Виктор Романович Чередник, в 1937 году был репрессирован и расстрелян по статье 58 – 10.

Единственное ограничение, когда для всех моих родственников, достигших 16-ти летнего возраста, была установлена такая процедура; то, что при постановке на спецучет, у них отбирали расписки о том, что они как переселенцы, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР ознакомлены с тем, что они выселены **навечно**, а самовольный выезд (побег) из места выселения подлежит уголовной ответственности и осуждению к 20-ти годам **каторжных работ**. Кроме того, они должны были ежемесячно отмечаться в районном отделе МВД. И вторую расписку мой папа дал в 1956 году, когда ему объявили об освобождении из спецпоселения и ему разрешено проживать

в любом пункте страны, кроме бывшей АССР немцев Поволжья. Кроме того ему было объявлено, что жилье и другое имущество, которое принадлежало ему до выселения, возвращению не подлежит. И у меня сразу возник вполне справедливый вопрос: причем здесь автономия немцев Поволжья, если папа родился и проживал в Украине?, и второе – откуда у 12-летнего ребенка какое-то имущество? По существу это проявление бюрократического маразма. И только в 1995 году для папы настал час истины, потому что ему выдали справку о реабилитации, где было указано: **«Геншель Герберт Юлиусович, 1929 года рождения, уроженец Киевской области, по национальным мотивам на основании Постановления СНК СССР от 1941 года, состоял на учете с 1945 года по 1956 год. Выселение признано незаконным. Поэтому на основании ст. 3 Закона Республики Казахстан от 14 марта 1993 года «О реабилитации жертв массовых сталинских репрессий» Геншель Г.Ю. РЕАБИЛИТИРОВАН».** Но, ни освобождение от спецпоселения, ни реабилитация никаких привелегий ему не дали – ни как потенциальному участнику программы «дети войны», ни какой либо материальной компенсации за пережитые унижения. Но, что отраднo, и наверное это было справедливо, пенсию папа получал очень хорошую – 132 рубля, тогда как персональная пенсия в то время составляла 120 рублей. Правда, когда Казахстан вышел из рублевой зоны, все пенсионеры практически стали получать как бы одинаковую пенсию – от 3000 до 3200 тенге. Многие жители в нашем селе, тогда с горечью шутили, что наши пенсионеры в этом плане ассоциируются с птичьим выводком – все одного цвета.

Что касается судьбы дедушки, то еще при жизни бабушки (до 1962 года), так и после, в семьях их детей,

об этом как бы молчали. Единственное, что говорилось, то это то, что утром в их село приехали из ЧК (так звучало это из уст моего папы) и забрали его без всяких объяснений, предварительно все обыскав, вплоть до хозяйственных построек и огорода. С тех пор, они ничего о нем больше не знали, а что с ним произошло, им ничего не сообщали. Позже появилась версия о том, что дедушку арестовали за то, что семья, еще при жизни в немецком районе, якобы получала материальную помощь от родственников, которые проживали за границей. Но, ни о какой антисоветской деятельности дедушки, речи не было. Подобная трактовка об арестах того времени актуальна и сегодня. А все происходило именно так, как рассказывают многие этнические немцы, ныне проживающие в Северо-Казахстанской области и в частности в Бишкульском районе, которые являются членами репрессированных немецких семей – «приехали из райцентра «энкведэшники», провели обыск и увезли отца или дедушку, и, с тех пор как говорится ни слуху, ни духу». Именно такая трагедия случилась и с нашим соседом по улице Александром Штымером (проживает в соседнем доме), который также родился уже в Казахстане в семье репрессированных родителей, которые были депортированы из Ворошиловоградской области УССР (ныне Луганская область), после того, как арестовали его дедушку и увезли неизвестно куда и неизвестно почему. И с тех пор о нем они не знают ничего, а также, что с ним произошло вообще. А что-то узнать об этом в то время, начиная с конца тридцатых и до начала шестидесятых годов не представлялось возможным ни под какой-либо юрисдикцией.

Поэтому и в нашем случае первую попытку узнать что-то о дедушке, была предпринята бабушкой только в июле в 1960 года, когда от ее имени дети направи-

ли в Харьков запрос с просьбой проинформировать о настоящей судьбе ее мужа – что с ним произошло, и если он умер, то где похоронен. Но ответа она не получила, и это послужило по сути причиной резкого ухудшения ее здоровья. Что характерно, запрос делался через УВД СКО, и фамилия бабушки была написана с ошибкой – вместо Геншель, было написано Гиншель. Сознательно это было сделано или нет, гадать не хочу. Возможно, по этой причине и не было ответа. В подтверждение вышесказанного, привожу текст ответа (за подписью начальника Управления комитета по правовой статистике и спецучетам по СКО), на мое заявление о выдаче архивных справок на моих депортированных родственников, который я получил 21 июня 2018 года – **«Рассмотрев Ваше заявление от 19.06. 2018 г. направляю архивные справки на Гиншель П.К., Гиншель Э.Ю., Геншель Ф.Ю., Геншель Г.Ю. Одновременно информирую, что личные дела спецпереселенцев Гиншель Павлины Карловны, Гиншель Эдмунда Юлиусовича, направлены 18.07. 1960 года в УВД Харьковской области».** Получается так, что в составе единокровной семьи, мать и средний сын носили одну фамилию, а дочь и старший сын другую. Видимо при оформлении переселенцев, дела составлялись на слух, потому что официальных документов (паспортов) как у бабушки, так и у бабушки, не было. И, это было отмечено в постановлении на арест, где указано, что у Геншеля Ю.В. паспорта нет. Кстати, и при оформлении депортационного дела моего отца его отчество дважды было написано неправильно, в одном случае Юльусович, во втором Юлинзович. В обоих случаях описки были исправлены прочерком авторучки, но без упоминания о том, что исправленному необходимо верить. Аналогичная ситуация была и с именем дяди Эдмунда

– в одном документе он был записан как Эйдменд, в другом Эндмунт. Бюрократия, как говорится плачет.

И только после распада СССР, когда дядя Губерт, а также двоюродный брат Александр (сын дяди Эдмунда) собрались переезжать в Германию, они естественно сделали запросы в Харьковский областной архив. В частности Александр написал, что ему нужна справка о спецучете высланных из Харьковской области его отца Эдмунда Юлиусовича и бабушки – Геншель Павлины Карловны. Дела на них, как он отметил, были направлены в МВД УССР еще в 1960 году. Кроме, того, попросил выдать ему справку о смерти дедушки, которого забрали в 1937 году и больше о нем ничего не известно. И уже в августе 1991 мои родственники получили ответ от УКГБ Украины за подписью начальника подразделения Фомина А.В. о том, что: **«Геншель Юлиус Вильгельмович, 1903 года рождения, был необоснованно обвинен в проведении антисоветской деятельности и по решению органов НКВД и Прокурора СССР расстрелян в г. Харькове 31 января 1938 года. Установлено, что захоронение жертвы репрессий проводилось на бывшем еврейском кладбище в г. Харькове по ул. Академика Павлова, где, по-видимому, погребен и Геншель Ю.В., но точное место захоронения нам неизвестно. Свидетельство о смерти Вам будет выслано отделом ЗАГСа Харьковского горисполкома. Военной прокуратурой Киевского Военного округа, Геншель Юлиус Вильгельмович посмертно реабилитирован, где вы можете получить справку об этом».** Затем Фомин А.В. сообщил, что еще в 1989 году в отдел ЗАГСа Харьковского горисполкома было направлено извещение за № 031652 с просьбой о регистрации смерти дедушки, наступившую 31 января 1938 года (более 50-ти лет назад) и с указанием

причины смерти – расстрел. И только в сентябре 1991 года это свидетельство было рассекречено и выслано по адресу запроса, то есть моим родственникам в Сергеевский район.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ
СВІДОЦТВО ПРО СМЕРТЬ

Гражданин (ка) Мекшиков
Громадянин (ка) Мекшиков

Фамилия — прізвище Мекшиков
Ім'я, отчество — ім'я, по батькові Николай Владимирович

Умер (ла) 31 сентября 1938 года
помер (ла) трьохдесять вересня тридцять вісім
(цифрами и прописью, цифрами и прописью)

в возрасте — лет, о чем в книге регистрации актов о смерти
у віці — років, про що в книзі реєстрації актів про смерті

19 31 года сентября месяца 16 числа
року трьохдесять місяця вісім числа

произведена запись за № 127688-99
зроблено запис

Причина смерти Расстрел
Причина смерті

Место смерти: город, селение Сарьков
Місце смерті: місто, селище

район
область, край
республика

Место регистрации Сарьков
Місце реєстрації Сарьков
наименование в местонахождении органа ЗАГС —
назва органу реєстрації актів громадянського стану

Дата выдачи 10 сентября 1991 г.
Дата видачі 10 вересня 1991 г.

Заведующий отделом (бюро) Гордеев
Завідуючий відділом (бюро)
Завідуючий відділом (бюро) реєстрації актів громадянського стану

IV-ВЛ № 271419

А вот, заключение, (в оригинале, за подписью военного прокурора КВО генерал-майора А.И. Фролова) о реабилитации дедушки, я получил только в декабре 2021 года, вместе с другими документами, о которых я говорил в начале статьи. В нем, в частности отмечено, что в основу обвинения Геншеля Ю.В. положены его признательные неконкретные показания, полученные в ходе одного допроса. Свидетелей по делу не допрашивали. Данных о проведении Геншелем шпионской, а также иной противоправной деятельности, в материалах дела не имеются. Поэтому Геншель Юлиус Вильгельмович подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов». Кроме того, к репрессивному делу № 432 были подшиты, завизированные в соответствующих МВД, письма от бабушки с просьбой о предоставлении информации о судьбе дедушки, а также письма дяди Губерта и брата Александра о судьбе дедушки и его семьи. Но ответ был только один, в форме справки о расстреле, и по существу после распада СССР.

И здесь можно, как говорится, поставить точку, потому что, я как внук невинно осужденного дедушки, могу сказать, что в отношении него СПРАВЕДЛИВОСТЬ восстановлена, в том числе и при помощи родственников и многих неравнодушных людей, изучающих данную проблематику. Поэтому, заканчивая повествование об осознании трагических событий в историческом прошлом нашей бывшей большой многонациональной страны и сопоставляя многофакторную и многоуровневую информацию об этом, я окончательно убедился, что проявление фобии (в различных ее ипостасях –

огольные обвинения граждан своих стран, мотивированное изуверство над людьми, подчеркнутое этническое, сословное (классовое) превосходство одних над другими и т.д.), к тому же еще возведенное в ранг государственной политики, всегда приводит к трагическим последствиям – как к массовым репрессиям, так и к проявлениям низменных наклонностей у отдельных граждан, которые якобы ближе или ассоциированы с вышестоящим руководством.

Теперь, когда я в достаточной мере осветил судьбу дедушки Юлиуса и бабушки Павлины, получив архивные дела на них, как я уже говорил, без изъятий, хотелось бы еще и описать судьбы своих родителей и других близких родственников, которые подверглись репрессиям, да и свои жизненные перипетии, начиная с 50-тых годов. Поэтому свое повествование об них, я построил только с обозначения судьбоносных дат, которые происходили в их биографии, и естественно с некоторой привязкой к некоторым историческим событиям, которые происходили в этот период в нашем районе, в области, да и в стране в целом.

У дедушки, как я уже отмечал ранее, была дочь (старшая из детей) и три сына, один из них, дядя Губерт, родился через полгода после его расстрела, а это говорит о том, что бабушка на момент ареста ее мужа, была беременной на первом месяце. Свидания с арестованными по данным статьям УК, которые были предъявлены им, тогда не разрешались, да и расстояние между Харьковом и селом Граково было более 130 километров, а по тем временам этот путь преодолеть было очень трудно. Возможно дедушка мог и не знать, что у него будет ребенок. Еще добавлю то, что никого из детей дедушки и бабушки уже нет с нами, но все они ушли в иной мир в довольно приличном возрасте, оставив после

себя большие (по нынешним меркам) семьи, которые включали в себя исключительно трудоголиков и получивших профессиональное образование тружеников. Впрочем, тогда и время было такое, когда в обществе не было туесядцев и бомжей, а по Конституции СССР каждый гражданин просто **обязан** был трудиться. Поэтому все мои дяди и теть (соответственно и их супружеские пары) работали в то время, как у нас говорили – от темнацати до темнацати. Кстати, все жены братьев - Геншелей, а также муж их сестры, в свое время прошли через горнило тех репрессий, которые проходили очень многие немцы перед ВОВ и после нее. Так, муж тети Фриды, Вайс Фридрих Фридрихович, был депортирован в июле 1941 года вместе с родителями из Крымской области, а жены дядей Губерта и Эдмунда – Вайнбергер Мария и Зифрит Вера (тетя Берта), были переселены из Автономной Немецкой Республики в 1942 году. К сожалению, у папы осталась только одна фотография 1939 года, на которой снята семья дедушки через год после его расстрела. И хотя прошло почти 85 лет, она неплохо сохранилась и очень хорошо подчеркивает действительность и трагизм того времени. К тому времени бабушке было всего 36 лет, но выглядит она намного старше. Слева от бабушки стоит мой папа, ему исполнилось 10 лет, а справа – средний сын Эдмунд. Соответственно, за спиной бабушки находится дочь Фрида (старшая из детей). На коленях мамы сидит младший сын Губерт, которому еще не исполнилось и одного года.

Павлина Геншель с детьми, 1939 г.

К моменту написания этой статьи, у дедушки с бабушкой (династия Геншелей) было 13 внуков и 3 внучки. В настоящее время в Северо - Казахстанской области по сути остался только я один, автор этих строк. Все остальные, по разным причинам, выехали из бывших Сергеевского и Пресновского районов СКО, где они родились, в другие страны – пятеро в Германию, еще пятеро переехали в Россию, двоюродная сестра Анна проживает в Алматы, а четверо, в разное время, ушли в мир иной.

В связи с вышеизложенным, я начну с биографии младшего дяди Губерта и его семьи. В 1992 году он, со своей семьей, как я уже отмечал, выехал в Германию по программе переселения соотечественников. До выезда на историческую родину, он работал управляющим отделения (село Ступинка) во вновь образованном совхозе «Ступинский». Село Астаган также территориально вошло в состав вновь созданного сельхозпредприятия, и поэтому семья дяди, после его назначения на руководя-

щую должность, переехала в Ступинку. До назначения на эту должность дядя Губерт работал водителем на автомашинах, различного рода производственного назначения, а в последнее время на автокране. Одновременно он заочно обучался в Явленском сельхозтехникуме на агрономическом факультете, который успешно закончил, и некоторое время работал агрономом отделения в Ступинке. Его жена, тетя Мария, работала диспетчером в автопарке совхоза «Ступинский», как раз в первые годы его образования и становления, что также накладывало на нее определенную ответственность в организации нормальной работы совхозного автотранспорта. В браке у них родились три сына – Андрей, Роберт и Юлиус. В настоящее время все они проживают в Германии в городе Нордлинген, куда они переехали вместе с отцом в 1992 году. И как я уже отмечал ранее, на историческую родину также переехал со своей семьей и его тесть Вайнбергер Давыд. Очень прискорбно, но дядя Губерт, в возрасте 70 лет трагически погиб в ДТП в этом же городе, кстати сразу после покупки личного автомобиля. А совсем недавно (в июне 2023 года) мы получили от брата Роберта по Whatshappy фотографию семьи дяди, где тетя Мария отображена в кругу трех сыновей. Далее, он по СМС сообщает, что у них в плане адаптации на исторической родине все сложилось благополучно, мама (тетя Мария), несмотря на преклонный возраст (84 года), в добром здравии и уме, собственные дети у него и братьев уже взрослые и по существу проживают самостоятельно, как это и принято в Германии. Что касается дяди Губерта, то, в период проживания в Казахстане, на спецучете как спецпереселенец он не состоял, потому-что на момент его совершеннолетия (1956 год) данный вердикт для депортированных переселенцев был отменен. Но, что отрадно, дядя не был

отстранен от несения военной службы, как это произошло с его братьями, моим папой и дядей Эдмундом, которых в армию не взяли из-за наличия спецучета по факту переселения, как лиц, относящихся к нелояльному населению страны. А служил он в Военно – Морском Флоте, в корабельном дивизионе морских десантников, который обслуживал экваторию Балтийского моря, по всей береговой линии прибалтийских республик, начиная от Ленинграда и заканчивая Калининградом.

Средний дядя, Эдмунд Юлиусович, ничем особо не выделялся, но как говорили сельчане, это был незамеченный работник в животноводстве, который совместно с другими рабочими нашего села Астаган, полностью обеспечивали содержание молочного стада в зимнее время и в стойловый период, а в летний сезон он работал на тракторе на сельхозработах. Жена дяди Эдмунда тетьа Вера (в девичестве Зифрит), всю свою трудовую жизнь отработала в отрасли животноводства, где она была и телятницей, и свиноводкой, и дояркой, то есть там, где возникала определенная необходимость в той или иной животноводческой профессии. В их семье родились пятеро детей - четыре сына и дочь. Старший сын, Александр, переехал в Германию на постоянное местожительство, но прожил там он всего несколько лет и умер от онкологического заболевания. Туда также выехала и его сестра Полина, где она и проживает благополучно со своей семьей. Средний сын Иван, переехал в Свердловскую область, и много лет работает в Северском районном лесничестве, на востребованной в настоящее время профессии пожарника МЧС. А двое сыновей, Виктор и Эдик, к сожалению трагически погибли в молодости.

У тети Фриды (в замужестве Вайс) также было пятеро детей. Старший сын, Виктор, начинал работу в

качестве агронома в совхозе в Пресновском районе, затем руководил большим хозяйством в этом же районе. После выхода на пенсию, переехал в г. Курган. Кстати в Кургане мы вместе учились на одном факультете в сельхозинституте, который закончили в 1974 году. К большому сожалению Виктор в 2020 году умер от ковида. Его сестра Анна, после окончания школы переехала в Алматы, где работала в большой геологической фирме. Туда же она перевезла и свою маму, после того, как умер ее муж, Вайс Фридрих. Дядя Фрид (мы его так звали в детстве), был очень своеобразной личностью. До переезда в совхоз «Пресновский», куда отправили его престарелых родителей, он как и многие рабочие фермы № 3 работал трактористом, причем на гусеничном тракторе ДТ - 54 первой модификации Харьковского тракторного завода. И вот уже, когда на смену этой марке стали поступать новые трактора из Челябинска, которые уже имели гидравлику и были естественно более эффективны на сельхозработах, дядя Фрид, ни под каким предлогом не отдавал свой трактор в утиль, и на протяжении нескольких лет работал фактически на списанной технике. И все потому что, у него дома в гараже был оборудован натуральный склад запчастей в полном перечне, требуемых на его трактор, включая двигатель. Кроме того, он конструктивно внес какие-то изменения в работу двигательной установки, которые позволили поставить гидравлическое оборудование на этот трактор и естественно успешно конкурировать с трактористами, которые работали на новой технике. Кстати, в усовершенствовании техники и особенно сельхозинвентаря и орудий для их более рационального использования, принимали участие очень многие рабочие совхоза того времени. В 1972 году дядя Фридрих работая на комбайне, неосторожно подтолкнул ногой в

работающий подборщик скопившуюся в валке копешку скошенной пшеницы, в результате ногу затянуло в жатку и по сути измочалило до колена. Проведенная операция особо не помогла и пришлось перейти на инвалидность.

Их средний сын Андрей и самый младший Владимир, работали на разных работах в Пресновском районе, там же и постоянно проживали. Очень интересна судьба второго среднего сына Фридриха (мы звали его Федей). Изначально, после окончания школы, он поступил в Курганское авиационное училище по специальности штурман, которое закончил с отличием. В связи с этим, его направили в Прибалтику, штурманом в дивизию стратегических бомбардировщиков, которые могли нести атомное оружие. Этой дивизией в то время командовал генерал Дудаев, будущий президент Ичкерии. Как у него проходила служба в дивизии под командованием Дудаева, я не знаю, но однажды он рассказал, что в целях обучения, бомбардировщики регулярно отрабатывали уничтожение больших стратегических объектов, в частности они часто прилетали в Северный Казахстан, и одной из целей по штурманской рекогносцировке был Сергеевский гидроузел СКО. Конечно, по тем временам, это выглядело как нормальное явление, когда военные самолеты такого класса летали практически повсюду, сегодня это невозможно представить себе даже гипотетически. Сейчас Фридрих находится в отставке и проживает в России.

Ну и еще немного о моих родителях. Отец Герберт Юлиусович, как я уже отметил, был старшим сыном репрессированных родителей, и всю свою жизнь начиная с 13-летнего возраста, не покладая рук, трудился на благо страны и естественно благополучия своей семьи. Если честно, то я не помню, когда он, да и мама отды-

кали в официальных отпусках, а весь их досуг строился только на предоставляемых отгулах на работе. Моя мама, Парасковья Сергеевна Згонник, также всю свою трудовую жизнь работала в сфере животноводства, начинала сакманщицей на овцеферме, а затем практически до выхода на пенсию трудилась дояркой, причем вплоть до начала 70-ых годов, коров доила вручную, как и все работницы фермы. Из - за того, что дойка коров осуществлялась в сутки трехкратно, то трудовой день у животноводов того времени, с небольшим обеденным перерывом, начинался в 6 часов утра и заканчивался поздно вечером. Несмотря на такую большую занятость, фактически ненормированная под трудовой кодекс о семичасовом рабочем времени, родители, как и большинство сельчан, еще и содержали свое большое подсобное хозяйство. Практически в каждом подворье в нашем селе разводили овец, свиней, птицу (кур, гусей, уток), и естественно содержали по 2-3 дойных коровы, не считая приплода. Кроме того все сельчане занимались в обязательном порядке огородничеством, где выращивались в достаточном количестве овощи, картофель, ягоды и фрукты. Сюда также необходимо добавить и то, что каждый механизатор после окончания уборочной страды получал определенное количество товарного зерна, из которого сельчане готовили на совхозной мельнице муку. Практически до конца семидесятых годов мои родители сами пекли хлеб из этой муки, и от этого занятия отказались только тогда, когда в магазинах появился так называемый «хрущевский» хлеб. Кроме того жители села сами готовили дрожжи, необходимые для изготовления мучных продуктов, которые изготавливали из отрубей и семян хмеля, которого было в достатке, как в пойме реки Ишим, так и на некоторых подворьях. Поэтому можно сказать, что

продовольственную проблему сельчане решали сами и вполне успешно. И здесь, можно говорить о том, что все это происходило в логике поговорки – человека земля матушка кормит, а сельхоздвор собственно делает этот корм. Если говорить об участии детей в уходе за животными и птицей, прополке и поливе огородов, то практически все дети нашего села, в обязательном порядке помогали своим родителям в этом вопросе.

И еще один негативный аспект, который присутствовал в тот период, это то, что у мамы при регистрации брака ее девичью фамилию не поменяли на фамилию мужа, потому-что до 1956 года это было запрещено всем женщинам, выходящим замуж за депортированных немцев, да и у папы еще не было паспорта, так как он состоял на спецучете как перемещенное лицо.

У моих родителей родились два сына (один из них я) и дочь. Брат Давыд, всю свою жизнь посвятил вопросам законодательного права и работе в силовых структурах. В последнее время, после выхода на пенсию, он работал в частном порядке адвокатом, когда был вынужден уволиться из областного управления МВД г. Сургута после проведенной операции от обширного инсульта и острой сердечной недостаточности. В областном управлении он работал заместителем начальника МВД и курировал вопросы по ликвидации организованной оргпреступности в 2000-2005 годах. В настоящее время в отставке и живет в России в городе Заводоуковск. Сестра Оля, также после окончания школы, выехала в г. Екатеринбург (на тот момент г. Свердловск), где поступила в медицинский техникум, а после его окончания работала (вплоть до выхода на пенсию) в городской поликлинике в гинекологическом отделении медсестрой. Кстати, в 1999 году, когда папа очень серьезно заболел, Оля перевезла его и маму из Астагана к себе в Екатеринбург.

Отца положили в областную больницу, но проведенную операцию он к сожалению не перенес, а у него была последняя стадия рака желудка. На тот момент ему было всего 70 лет. А вот мама у нас оказалась как бы долгожительницей, она прожила 90 лет и пережила папу на 20 лет. Похоронены они вместе на главном кладбище Екатеринбурга, к тому времени уже закрытом, но еще разрешалось подхоронение для отдельных категорий населения, к которым относились и ветераны труда, у которых на кладбище были захоронены родственники. И все это конечно естественно, осуществлялось по распоряжению городских властей, после поданого мотивированного заявления.

Заканчивая свое фактологическое (как мне представляется) повествование, несколько слов и о своей биографии, которая ничем радикально не отличается от среднестатистического жизненного пути граждан, родившихся в СССР, получивших обязательное среднее, а затем бесплатное высшее образование и отработавших по сути дела на государственной службе, потому что частной практики и частного предпринимательства (бизнеса) тогда по сути не было. Официально я родился в селе Астаган, хотя, как мне рассказывали родители, мое рождение произошло в селе Николаевка, которое было расположено в соседнем районе, так как в нашем совхозе «Приишимский» в то время еще не было профессионального роддома. Родился я зимой, поэтому меня привезли домой на конной повозке, преодолевая путь по снегу почти в 30 километров. Кстати в Николаевке родился будущий ученый археолог Зайберт В.Ф., этический немец из семьи депортированных родителей из АССР немцев Поволжья. Красноармейский район, куда территориально входили села Петровка, Явленка, Покровка и Николаевка, как и Пресновский,

Келлеровский и Октябрьский районы после начала ВОВ был своеобразными центрами по размещению переселенцев из числа немцев в Северо-Казахстанской области. В частности в Петровке проживала родная сестра бабушки Павлины. К сожалению я ее видел только на фотографии пятидесятых годов, где она сфотографировалась со своим сыном (дядя Федор) и снохой. А в селах Нагорное и Леонидовка Келлеровского района проживали с 1936 года еще двое якобы участников «контрреволюционной фашистской организации» Розе Адольф Генрихович и Эдель Густав Юлиусович (они оба упоминаются в протоколе допросов моего дедушки и его односельчан), которые также были высланы в Казахстан из приграничной зоны с Польшей вместе с другими арестованными жителями Пулинского немецкого района. Кроме того, после начала ВОВ, в 1942 году они вновь были арестованы и помещены в ИТЛ (соответствующая тому времени трудармия для перемещенных лиц).

Детство мое прошло как и у многих моих сверстников вполне беззаботно и без каких то потрясений, а повседневность не обуславливалась парадигмой выживаемости. Родители в полной мере обеспечивали свою семью всем необходимым для проживания в достатке и по сути в комфорте. Впрочем, практически все дети нашего села, включая немецкую диаспору, также проживали и воспитывались в таких условиях. Многие мальчишки имели в личном пользовании велосипеды, коньки фабричного изготовления, музыкальные инструменты (гитары, гармони), девочки учились шить на стандартных швейных машинках, по тем временам это было довольно дорогое удовольствие. У отца в пользовании было три мотоцикла, которые ему разрешали покупать как передовику производства. Первый мотоцикл

был марки ИЖ, как мы его называли «козел», вторым появился мотоцикл марки «ковровец», и затем уже более мощный агрегат, это «урал». Естественно мы дети использовали их для своих нужд, как при сборе ягод в лесу, так и в поездках на рыбалку на реку Ишим и озеро Обалы. В мальчишеской памяти отложился такой момент, который был судьбоносным для развития Сергеевского района, это строительство гидроузла и Сергеевского водохранилища. Если мне не изменяет память, строительство началось в 1963 году, как раз в годовщину образования района, и закончилось в 1969 году, к тому времени я уже закончил Приишимскую среднюю школу. Очень много было кривотолков о том, кто строит плотину. У нас в селе взрослые жители часто говорили, что к этому строительству привлекались заключенные из колонии (с так называемой Жаман – сопки), где сидели в основном преступники с «тяжелыми» статьями, и поэтому было много побегов. Еще запомнились такие события, как постоянная сменяемость названий района и расположения райцентров. Изначально, еще до моего рождения, район назывался Тонкерейский (1930-1932), затем он объединился с Рыковским районом, с райцентром в с. Марьевка. В 1936 году его переименовали в Октябрьский, райцентр расположился в с. Майбалык, затем опять в с. Марьевка, а в 1963-ем в Сергеевский. Райцентр был перенесен в Сергеевку, так, как Марьевка была уже затоплена, в связи с постройкой Сергеевского водохранилища. В настоящее время район носит название Шал Акына.

Еще, как мне представляется, в Октябрьском (Сергеевском) районе работало очень много профессиональных кадров, в том числе из числа секретарей райкома партии, глав администраций, начальников районных управленческих структур, которые в последствии вы-

двигались руководителями областных ведомств. Так, первым секретарем райкома партии в 1962-63 году работал Болатбаев Нель Адгамович, Герой Соцтруда, который много лет после отработал председателем областного Совета народных депутатов. Большой вклад внесли в развитие нашего района Исакаков Жаксылык Габдулинович и Шайкин Есим Шайкенович, также первые секретари райкома партии, занимавших эти должности, в 1975 – 1986 годах, а затем перешедших на работу в областные структуры – Исакаков Ж.Г. первым заместителем председателя Совета народных депутатов, а Шайкин Е.Ш. возглавил отдел соцобеспечения в облисполкоме. Сюда можно отнести и Телюка Петра Захаровича, Героя Соцтруда который родился в с. Кривошеево нашего района, который назначался секретарем ряда райкомов, в том числе и Октябрьского. Уроженцем Сергеевского района (с. Ольгинка) был и летчик космонавт первой категории Алексей Иванович Викторенко. В совхозе «Приишимский» в семье знатного хлебороба родился и будущий директор знаменитой на всю страну агрофирмы «КТ Зенченко» Герой Труда Зенченко Геннадий Иванович. Кстати отец Зенченко Г.И. был первым директором (с 1936 по 1940 год) совхоза «Приишимский». Более четырех лет акимом района Шал Акына (Сергеевского) работал мой односельчанин Колода Владимир Алексеевич, он был старше меня на 4 года, и также родился в с. Николаевке, потому что как я уже сказал, социальная инфраструктура центральной усадьбы (с. Повозочное) после ВОВ по сути еще была недостаточно развита. В последствии он также был переведен на работу в областное управление сельского хозяйства. Можно сказать, что наш район в те годы был кузницей профессиональных кадров по всем направлениям развития для всей Северо-Казахстанской

области. А мой одноклассник и односельчанин Шульц Иван Александрович, после окончания агрономического факультета Целиноградского сельхозинститута переехал в Волгоградскую область, Суровикинский район, где практически сразу возглавил совхоз, а затем его избрали председателем районного Совета народных депутатов, и вплоть до выхода на пенсию работал на должности главы администрации этого района. Туда же Иван перевез своих родителей, кстати его отец Александр Карлович (почему - то его все звали Сандрик) в районе значился как самый эффективный кукурузовод, потому что кукурузу догдa выращивали квадратно-гнездовым способом и не каждый механизатор мог это делать. Мы с женой Зоей несколько раз ездили в этот район, потому что там проживает и работает ее младшая сестра Галя, а в Волгограде работает наша дочь Евгения, и естественно встречались там с Иваном. Одно время я даже хотел переехать в этот район на работу по своей специализации в структурах соцзащиты, но не сложилось.

Если говорить о немецкой диаспоре в нашем совхозе, которая была достаточно большой, то у меня, и конечно же к большому сожалению, каких то конкретных сведений мало, потому-что начиная с 1980 года я переехал по приглашению из Тимирязевского района в Соколовский район, где работал в райкоме партии, вначале инструктором отдела пропаганды и агитации, а затем заведующим организационным отделом. Поэтому в Астаган, на родину, приезжал только 2-3 раза, а с 1999 года вообще не был там, после того как родители переехали в Екатеринбург. Но по информации двоюродного брата Ивана, многие сельчане из числа немцев, выехали вместе с детьми в другие страны, многие в Германию. В Астагане на сегодня осталось буквально

2-3 семьи, причем те семьи, где были смешанные браки. Если говорить о конкретных семьях немцев старшего поколения, проживавших в нашем селе, то их я помню только по фамилиям (некоторых и по именам). Это конечно же в первую очередь семьи ближних и дальних родственников – Геншель Эдмунд, Геншель Губерт, Вайс Фридрих, Вайнбергер Давыд, Вайс Александр. А в основном немецкая диаспора Астагана образовалась из депортированных в 1942 году немцев автономной республики Поволжья. Тогда здесь проживали четыре семьи Щульц (дядей Давыда, Александра, Мануша, Федора), две семьи Шмидт (дядей Давыда и Александра), три семьи Эбель (дядей Виктора, Рихарда, Александра), семьи Динер Вольдемара, Гросс Виктора, Крикау Фридриха, Сеслер Александра, Гаас Александра, Мерк Андрея Александровича, Гиленберг Виктора, Рерих Александра, и еще наверное с десяток немецких семей, которых я не помню. Также очень много было смешанных браков, где жены были этнические немки, а мужья были представителями других национальностей.

Трудовую деятельность я начинал по специальности агронома отделения целинного совхоза «Дзержинский», затем возглавил там же агрономическую службу. Очень памятным для меня событием было то, что по итогам третьего в моей трудовой практике сельскохозяйственного сезона (1977 год), меня наградили медалью «За трудовую доблесть», вместе с большой группой работников совхоза. Куратором у меня, как у молодого специалиста был главный агроном Тимирязевского управления сельского хозяйства Войло Виталий Михайлович, который по сути и перевел меня в управление на должность главного агрохимика. Там я занимался вопросами внесения удобрений под посевы зерновых и кормовых культур, а также борьбой с сорняками путем

применения гербицидов, в том числе с использованием авиации, которая базировалась в Петропавловском аэропорту. Затем возглавил вновь образованную структуру РПО «Сельхозхимия», по сути на голом месте. Не было в достаточном количестве помещений для хранения минеральных удобрений и гербицидов, поэтому их приходилось завозить напрямую в хозяйства из соседнего Сергеевского района. Даже расположение офиса у нас за два года поменялось трижды. Финансировалось РПО из областного управления, но так как бюджет еще не был сформирован, приходилось просить помощи у руководства района, чтобы хотя бы протянуть до конца отчетного года. Тогда мне очень сильно помог председатель Тимирязевского райисполкома Табулбаев Тайшабек Ахметжанович, который в организационном порядке способствовал выделению техники для создания механизированных отрядов при разделе активов РО «Сельхозтехника». Тайшабек Ахметжанович очень был принципиальным руководителем, честным и порядочным, всецело преданный работе при определении поступательного развития целинного района. Мне из взаимоотношений с ним запомнился как бы курьезный случай. В один из дней, Табулбаев Т.А. позвонил мне и просил помочь с доставкой в Петропавловск на совещание, на которое он опаздывал, и где он должен был в обязательном порядке быть. Мы решили отправить его самолетом, который стоял в резерве на временном аэродроме в Тимирязево. После он очень благодарил меня за оказанную услугу.

После того, как я переехал в Соколовский район, по сути через 10 лет, в стране произошли известные события - распад СССР и я перешел работать в социальную сферу, вначале в Бюро по трудоустройству, а с 1993 года возглавил Соколовский центр занятости.

После того, как Соколовский район упразднили в 1997 году, мы с семьей переехали во вновь образованный Кызылжарский район в с.Бишкуль (сейчас он называется а. Бесколь), где опять же я возглавил центр занятости, где по сути и проработал до пенсии.

Заканчивая свое повествование, очень прошу извинить меня, если я невольно исказил или неправильно отобразил фамилию или имя упоминаемых в тексте фигурантов.

К сему: Геншель В.Г.

A handwritten signature in blue ink, appearing to read 'V.G. Genshel', written over a faint, illegible background of text.

Мой папа и тетя Фрида 1953 год.

Сестра бабушки Оля Куппе.

Я с гвоздем мне 5 лет.

ГЕНШЕЛЬ
Владимир Гербертович

Долгий путь
к установлению
справедливости

Верстка: Ржавина Е.В.

Подписано в печать 12.09.2023 г.

Формат 60X84 1/16.

Бумага офсетная. Печать цифровая. 3 усл.п.л.

Отпечатано в ТОО «Издательство «Северный Казахстан»
150001, г. Петропавловск, ул. Кошукова, 5.

ement

ement

ement

ement

ement

here ment

here ment

here ment

ement

ement

ement

ement

ement

here ment

here ment

here ment